

И. П. МЕДВЕДЕВ

ПРОЕКТ ГРАЖДАНСКОГО УЛОЖЕНИЯ ДЛЯ БЕССАРАБИИ (1824—1825)

Включение в состав Российской империи по Бухарестскому договору 28 мая 1812 г. части молдавалапского региона (территория между Днестром и Прутом), которая называлась Бессарабией, удовлетворив имперские амбиции, в то же время породило массу проблем с точки зрения правовой, социальной и политической адаптации новоприобретенной окраины. Дело в том, что правовая жизнь определялась здесь своеобразным конгломератом норм, писаных законов и устных обычаев весьма пестрого происхождения: источниками для бессарабского права (как уголовного, так и гражданского) являлись старые земские обычаи, нигде не записанные, наряду с которыми в ходу были отдельные предписания древних византийских правовых сборников (например, знаменитого «Шестицнижия» Константина Арменопула — XIV в.), навязываемые населению греко-фанариотскими чиновниками и отнюдь не всегда соответствующие его правовому сознанию; административное право как таковое практически отсутствовало, права и обязанности местной администрации не были определены ни одним законом, в местечках царил полнейший произвол; нормы уголовного права были крайне немногочисленны, среди них превашировал молдавский закон, который в некоторых случаях оказывался суровее русского, и местные власти в Бессарабии не репались, например, приводить в исполнение по приговорам кишиневского суда смертную казнь, не признанную общерусским законодательством.¹

Необходимость проведения правовых реформ осознавалась всеми, практически сразу же начались подготовительные работы по созданию проекта Гражданского уложения для Бессарабии как местного юридического памятника, и этот кодификационный опыт кишиневских правоведов (малоизученная и забытая страничка в правовой жизни России), представляющий исключительный интерес по

¹ Кассо Л. А. Россия на Дунае и образование Бессарабской области. М., 1913. С. 204—205.

своей идеологии, методам, уровню специальных знаний, несомненно заслуживает быть включенным в контекст российских реформ своего времени.

У истоков рождения нового кодекса стоял статс-секретарь Иван Антонович Каподистрия (1776—1831), имевший от государя поручение «курировать» бессарабские дела. Ясно, что общественно-политические взгляды этого государственного деятеля, греческого патриота на русской государственной службе, не могли не отразиться на ведении кодификационных работ в Бессарабии. Являясь сторонником сохранения национальной самобытности и самоуправления новой провинции, Каподистрия мечтал о том, чтобы бессарабский эксперимент стал для всех очевидным доказательством того, что сохранение местных и национальных особенностей за Бессарабией могло не только сделать ее полезной империи, но и обеспечить ей процветание.² Правда, учрежденная в 1817 г. по инициативе наместника Бахметьева комиссия из местных бояр с целью составления Уложения не достигла успеха, хотя в конце 1819 г. и отправила в Петербург первый проект Уложения. Будучи по большей части более или менее верным воспроизведением недавно изданного для Молдавии кодекса Калтимаха (отчасти также со ссылками на валахский кодекс Испейанги и изредка Шестипишике Арменопула), проект вызвал нарекания самого царя Александра I: деление обывателей на свободных и невольных, объясняемое существованием в Бессарабии небольшого числа дворовых илган, было найдено нежелательным как могущее вызвать предположение о существовании рабства в новоприсоединенной области; правила о расторжении браков были найдены противоречащими учению православной церкви; наконец, была указана целесообразность замены правил об опеке, изложенных в этом проекте по римскому образцу, общерусским законом об опеке.

Проект был возвращен на доработку, которую было поручено произвести присланному в Кишинев графом Каподистрией как раз для этой работы юристу со специальным западноевропейским образованием, выпускнику парижской *Ecole de droit* Петру Манге (1782—после 1840).³ Но и второй проект кодекса, представленный в марте 1822 г. Министерству внутренних дел, в ведение которого перешло тогда управление бессарабскими делами, не был сочтен удовлетворительным. Министерство, основываясь на принципе, что источником бессарабского кодекса должны быть древние институты страны, для которой он предназначен, потребовало от редакторов приведения текста законов, послуживших для них образцом, — с тем, чтобы они давали отчет в тех мотивах, по которым они в некоторых случаях могли изменить древние законы или целиком заменить их новыми. Исходя из этого, министерство обязало редакторов расположить материал по трем категориям: законы древние, законы измененные, законы новые.

² Там же. С. 215. Примеч. 2; Косо Л. А. Византийское право в Бессарабии. М., 1907. С. 4.

³ Косо Л. А. Петр Манга, забытый кодификатор бессарабского права. СПб., 1914.

Левъ Аристидовичъ Кассо,
свидѣтельствуя совершенное почитаніе
Его Превосходительству
Вильгельму Фридриховичу,
имѣетъ честь препроводить при семъ
печатный экземпляръ проекта Бессараб-
скаго гражданскаго уложенія, составленнаго
П. В. Маногомъ и Д. У. Брун-
нови.чю, въ 1824-1825 г.г.

Его Превосходит-ву
В. Ф. фонъ Зелеръ.

Листъ с печатнымъ посвященіемъ Л. А. Кассо экземпляра своего изданія
В. Ф. фонъ Зелеру (вложенъ в экземпляръ БАН).

Эта дальнейшая разработка, порученная также Манеге главой ведомства Министерства внутренних дел графом В. П. Кочубеем в 1822 г., длилась около трех лет и была окончательно завершена в 1825 г., причем в этой последней стадии бессарабских кодификационных работ принял участие небезызвестный в истории российской дипломатии барон (впоследствии граф) Ф. И. Бруннов (1797—1875), заслуживший в свое время, как и Манега, внимание Каполдистрии и также получивший юридическое образование на Западе, в Лейпцигском университете.⁴ По призыванию самого Бруннова (письмо к начальнику II отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии графу Д. Н. Блудову от 8 февраля 1824 г.), его роль в составлении кодекса была весьма скромной: он помогал Манеге приблизить текст к требованиям, полученным из Петербурга, но кодификационная работа сама по себе принадлежит Манеге, как это охотно подчеркивал Бруннов.⁵

Законченная в 1825 г. работа на французском языке, озаглавленная «*Projet de Code Civil pour la Bessarabie*», была своевременно отправлена в Петербург, где ее ждало, однако, забвение: дело в том, что как раз в это время отношение центральной власти к бессарабскому самоуправлению стало меняться, вскоре на Бессарабскую область был распространен общерусский порядок управления губерний и о кодификации бессарабского права перестали говорить в ожидании общерусского гражданского уложения, которое призвано было заменить *jus particularis* на этой окраине.⁶

О работе Манести фактически забыли, и она покрывалась постепенно пылью среди остальных дел II Отделения Императорской канцелярии в Архиве Государственного Совета (бывшее дело № 1417). «Кладбищенский покой» этой рукописи был нарушен лишь в начале нашего столетия, когда за ее изучение взялся такой интереснейший, но почти забытый у нас исследователь, как Лев Аристович Кассо (1865—1914). Занимая в то время (1910—1914) пост министра народного просвещения, он, по-видимому, имел широкий доступ к бумагам Архива Гос. Совета, так как его небольшая статья о Петре Манеге (с. 21) буквально кишит ссылками на архивные документы, тем более сохраняя и сегодня свое значение, что все указанные им шифры ныне недействительны, а многие документы или потеряны, или их трудно найти в архивах.

К счастью, сохранилось главное — сама рукопись проекта уложения Петра Манести (и Ф. И. Бруннова), которую удалось разыскать в Российском государственном историческом архиве С.-Петербурга (РГИА СПб. Ф. 1261. Оп. 1. 1840. Д. 15с, 15ж, 15и).⁷ Руко-

⁴ В обстоятельном биографическом очерке о Ф. И. Бруннове (см.: Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. 3. С. 371—384) его участие в кодификационных работах в Бессарабии не упоминается.

⁵ Письмо Бруннова к Блудову опубликовано в издании проекта Уложения (С. 1—5), о котором нам еще предстоит сказать особо (см. примеч. 7).

⁶ Кассо Л. А. 1) Византийское право. С. 10—11; 2) Петр Манега... С. 21.

⁷ Почти до самого последнего момента мы полагали, что работаем с неопубликованным материалом. И вот на одно из требований сотрудников РГИА принесен печатный экземпляр (с неразрезанными листами) именно этого проекта Уложения.

пись состоит из трех увесистых фоллиантов большого формата (размером 340 × 220), со сквозной нумерацией параграфов (всего 1517 параграфов), но с раздельной нумерацией тетрадей и листов (1-й том — 320 л., 2-й том — 348 л., 3-й том — 192 л.). Текст самого памятника писан на безупречном французском языке, текст привлекаемых источников — на языке оригинала. Весь материал расположен по принципу *en regard*, т. е. параллельно со статьями кодекса приводятся выписки из юридических источников, соответствующие им по содержанию и служащие им оправданием.⁸ Текст писан разными почерками (как минимум тремя), на полях рукописи встречаются и замечания общего характера, некоторые рассуждения по поводу приведенных источников, которые, по-видимому, принадлежат перу барона Брушова, поскольку в нескольких местах Манега упоминается в третьем лице.⁹

Структура работы, включающая в себя три книги (1 — о лицах = 1-й том, 2 — об имуществах = 2-й том и 3 — об обязательствах = 3-й том), явно заимствована из кодекса Наполеона, заимствования из которого, впрочем, преобладают в целом ряде разделов Уложения, ибо в этих случаях составитель считал французский кодекс («*Nous avons ici sous les yeux l'édition de 1807*», — уточняют редакторы: 1, л. 28) более правильным и точным выразителем соответствующей нормы римского происхождения, и это могло служить в глазах Манеги, считавшего римское право коренным источником для Бессарабии, достойным оправданием для таких заимствований, из которых не все, впрочем, снабжены соответствующими ссылками.¹⁰ Предполагалась еще четвертая книга, предназначавшаяся

Projet de Code Civil pour la Bessarabie (1824—1825). St.-Petersbourg. Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences. Vaux-Ostr. 8 9-e ligne 8 N 12 (Без даты). P. III—VII: Table des matières + 273 p. В одном компактном томе изданы все три книги! Издание не проходит ни по каким каталогам издательства Академии наук, сведений о нем нет ни в бумагах цензурного комитета, ни в издательском фонде Архива РАН и Архива СПб.ФИРН РАН, ничего неизвестно о тираже, годе издания, имени издателя. Судя по международным библиографиям, ничего об этом издании неизвестно и за рубежом. После некоторых розысков удалось найти еще два экземпляра: один в Российской Национальной библиотеке и второй — в Библиотеке РАН (С.-Петербург). И тот и другой не отражены почему-то в генеральных каталогах названных библиотек, причем экземпляр Библиотеки РАН содержит приятный сюрприз, в него оказался вложенным лист с печатным посвящением (изысканный курсив) издателя: «*Лен Аристович Кассо свидетельствует совершенное почтение Его Превосходительству Вильгельму Фридриховичу, имеет честь препроводить при сем печатный экземпляр проекта Бессарабского гражданского уложения, составленного П. В. Манегаю и Ф. И. Брушювым, в 1824—1825 гг.*» (и еще в левом нижнем углу: «*Его Превосходству В. Ф. Фон Зелер*»). Установление имени издателя (мы, разумеется, догадывались, что им не мог быть никто иной, кроме Л. А. Кассо) позволяет вычислить и год издания: 1914; в примечании к изданию уже цитируется статья Кассо о Манега, опубликованная в 1914-м. — *terminus post quem*: а 26 ноября 1914 г. Кассо умирает (от рака прямой кишки), успевая, как мы видели, подарить печатный экземпляр издания — *terminus ante quem*. До сих пор не удалось найти никаких бумаг Л. А. Кассо, связанных с этой его научной деятельностью.

⁸ В указанном издании проекта Уложения все тексты выписок из юридических источников опущены, оставлены на полях лишь ссылки на них.

⁹ См., например, л. 227 тома 2.

¹⁰ *Кассо Л. А. Петр Манега. С. 16.*

ся для гражданского судопроизводства, но она не была окончена Манетой.

Уложение должно было предшествовать, но в рукописи почему-то помещено в самом конце первого тома (I, л. 251—273), предисловие — «Discours préliminaire du projet de Code Civil pour la Bessarabie», с пометой вначале «Odessa le 5 Mars 1825» и с записью в конце «Présenté par P. Manéga D' en droit, le Baron de Brunpov». Составленное также по примеру французского кодекса, с пространными выдержками «Discours préliminaire» Портатиса, иногда даже без кавычек, это обстоятельное предисловие чрезвычайно важно, ибо, помимо ценных и нами упомянутых выше сведений о предыстории и ходе работы над составлением этой окончательной редакции Уложения, оно содержит ясно выраженную концепцию, лежащую в основе всего труда.

Основным достоинством настоящего проекта Уложения провозглашалось то, что он зиждется на древнем законодательстве. «Всякий раз, — говорят редакторы, — когда мы находим древние постановления, соответствующие еще нынешнему положению дел, мы исторгали их из забвения и предпочитали всякой новизне, ибо полагали, что древние законы должны столько же свято быть сохраняемы, как и древние нравы; и поэтому старались заполнить недостаток законов только в тех случаях, где нужды, прежде неизвестные обществу, требовали новых постановлений» (I, л. 261). Важно, однако, подчеркнуть, что почти все это «древнее законодательство» отождествлялось Манетой с понятием «римское право», ибо, несмотря на скудость законов в Бессарабии в то время (равно, впрочем, как и в сопредельных с нею княжествах Молдавском и Валахском), они являются «богатými наследиями всех законохранилиц, бывших в Риме и в Византии» (I, л. 254), и прежде всего *Coprus Juris Civilis* Юстиниана. Исходя из этой предвзятой и исторически неправильной точки зрения о рецепции в Молдавии всей совокупности римского права, о свособразном правовом континенте этого региона (древней Дакии) с Римом,¹¹ составители Уложения провозгласили своим общим принципом то, что в русской Бессарабии, как бывшей части Молдавии, основаниями для квалификации должны служить римские компиляции как всековой источник действовавшего там права (I, л. 256 об.).

Собственно говоря, интенсивное использование французского кодекса также оправдывается составителями тем, что «копый, будучи основан большей частью на началах римского права, во многих отношениях ближе других подходит к учреждениям Бессарабской области» (I, л. 261—261 об.). Правда, такого рода предпочтение оправдывается и чисто редакционными причинами: «Ибо всякий раз, когда в нем приводился целый или отчасти текст какого-либо закона, заимствованного из римского законодательства, предпочитали мы редакцию сего (т. е. французского) кодекса всем прочим, будучи уверены, что через это все может обрести двойную выгоду — краткость и ясность» (I, л. 261 об.).

¹¹ Там же. С. 12; Косо Л. А. Византийское право в Бессарабии. С. 63.

памятника: «Конституция, опубликованные в разные эпохи восточными императорами и известные под названием «Василики», которые впоследствии соединились в этом первом законодательном своде» (1, л. 255) и «этот сборник или компиляция, составленная одним восточным юристом, известным под именем Константина Арменопула, которая является своего рода кратким изложением Кодекса Юстиниана и Василики» (1, л. 255 об.). И если о Василиках составителям сказать оказалось практически нечего (неизвестно даже их отношение к восходившей к Дмитрию Кантемиру легенде о принятии Василик молдавским князем Александром Добрым в XV в, одновременно с короной, полученной из Византии¹²), то Шестикнижие, которое «и доныне еще имеет в Бессарабии силу закона», сподобилось хоть и весьма лапидарной, зато энергичной и нелицеприятной критике за отсутствие четкого плана в организации материала и изобилие противоречий; все его достоинство — «в простом слоге, внятном для судей» (1, л. 255 об.—256).

Что касается местного румыно-молдавского законодательства, то составители Уложения ограничиваются следующим замечанием: «Господари Молдавии и Валахии выпустили в разные эпохи сборники законов, опубликованные на языке страны. Таковые кодексы Мурузи и Калымаха, содержащие лишь экстракт из текста Василики и Арменопула, к которому присоединились предписания, изданные в разные времена господами обоих княжеств» (1, л. 256—256 об.). И это при том, что т. н. Кодекс Калымаха, составленный в 1817 г. греком Ананием Каланосом с помощью австрийского юриста Флехтенмахера, является скорее греческим переводом австрийского кодекса, чем памятником римско-византийского права.¹³ А ведь Петр Манега знал кодекс Калымаха не по наслышке: он перевел текст этого памятника на французский язык, причем значительная часть этого перевода (§ 692—1145) включена в рассматриваемый нами проект Уложения для Бессарабии в качестве приложения к второй книге (2, л. 264—348, с заглавием на л. 264: «Annexe au Livre II. Dispositions relatives au droit de succession. Traduction du Code Calimachi, faite par le Dr Manéga. Cahier N 1—11. reçu Odessa le 6 Février 1825»)¹⁴.

¹² См. об этом: *Karel J. A. Византийское право в Бессарабии*. С. 16—19.

¹³ По мнению румынского историка Джоржеску, кодекс Калымаха на 7/10 происходит от австрийского кодекса, лишь на 3/10 оставаясь «длинным модернизированным византийским правом» (*Georgesco V. A. L'originalité du droit national des peuples du Sud-Est européen dans le contexte de la réception du droit romano-byzantin jusqu'au XIXe et de la réception du droit occidental au XIXe siècle // IIIe Congrès International d'Etudes du Sud-Est européen*. S. d. P. 27, 42).

¹⁴ Опушен в издании. Что касается рукописи Уложения, то она преподносит еще один сюрприз: в нее вставлен еще один лист (л. 266), явно из какой-то другой рукописи, меньшего размера (в четвертку), заполненный чьей-то иной рукой (отличаются и чернила) текстом на русском языке: «Переводивший на российский язык сии постановления о праве наследства не с подлинного уложения ки(зля) Калымахи, откуда оныя, как сказано, заимствованы, но с французского уже перевода оных, вынужденным себя находит сделать здесь предварительное общее замечание насчет сего последнего, что оный по причине худого слова и множества грамматических ошибок в многих местах чрезвычайно темен, а в иных и вовсе непонятен. Для устранения от себя при таковых обстоятельствах всякой ответственности Российский переводчик

памятника: «Конституции, опубликованные в разные эпохи восточными императорами и известные под названием «Василики», которые впоследствии соединились в этом первом законодательном своде» (1, л. 255) и «этот сборник или компиляция, составленная одним восточным юристом, известным под именем Константина Арменопула, которая является своего рода кратким изложением Кодекса Юстиниана и Василики» (1, л. 255 об.). И если о Василиках составителям сказать оказалось практически нечего (неизвестно даже их отношение к восходящей к Дмитрию Кантемиру легенде о принятии Василик молдавским князем Александром Добрым в XV в. одновременно с короной, полученной из Византии¹²), то Шестипизнижис, которое «и доныне еще имеет в Бессарабии силу закона», сподобилось хоть и весьма лапидарной, зато энергичной и нелицеприятной критики за отсутствие четкого плана в организации материала и изобилие противоречий; все его достоинство — «в простом слоге, внятном для судей» (1, л. 255 об.—256).

Что касается местного румыно-молдавского законодательства, то составители Уложения ограничиваются следующим замечанием: «Господари Молдавии и Валахии выпустили в разные эпохи сборники законов, опубликованные на языке страны. Таковые кодексы Мурузи и Калымаха, содержащие лишь экстракт из текста Василик и Арменопула, к которому присоединились предписания, изданные в разные времена господарями обоих княжеств» (1, л. 256—256 об.). И это при том, что т. н. Кодекс Калымаха, составленный в 1817 г. греком Ананием Казаносом с помощью австрийского юриста Флехтенмахера, является скорее греческим переводом австрийского кодекса, чем памятником римско-византийского права.¹³ А ведь Петр Манега знал кодекс Калымаха не по наслышке: он перевел текст этого памятника на французский язык, причем значительная часть этого перевода (§ 692—1145) включена в рассматриваемый нами проект Уложения для Бессарабии в качестве приложения к второй книге (2, л. 264—348, с заглавием на л. 264: «Annexe au Livre II. Dispositions relatives au droit de succession. Traduction du Code Calimachi, faite par le Dr Manéga. Cahier N 1—11. reçu Odessa le 6 Février 1825»¹⁴).

¹² См. об этом: *Кассо Л. А.* Византийское право в Бессарабии. С. 16—19.

¹³ По мнению румынского историка Джоржеску, кодекс Калымаха на 7/10 происходит от австрийского кодекса, лишь на 3/10 оставаясь «данником модернизированного византийского права» (*Georgesco V. A.* L'originalité du droit national des peuples du Sud-Est européen dans le contexte de la réception du droit romano-byzantin jusqu'au XIXe et de la réception du droit occidental au XIXe siècle // IIIe Congrès International d'Etudes du Sud-Est européen. S.d. P. 27, 42).

¹⁴ Опушен в издании. Что касается рукописи Уложения, то она преподносит еще один сюрприз: в нее вставлен еще один лист (л. 266), явно из какой-то другой рукописи, меньшего размера (в четвертку), заполненный чьей-то иной рукой (отличаются и чернила) текстом на русском языке: «Переводивший на российский язык сии постановления о праве наследства не с подлинного уложения хн(ия) Калымахи, откуда оные, как сказано, заимствованы, но с французского уже перевода оных, вынужденным себя находит сделать здесь предварительное общее замечание насчет сего последнего, что оный по причине худого слова и множества грамматических ошибок в многих местах чрезвычайно темен, а в иных и вовсе непонятен. Для устранения от себя при таковых обстоятельствах всякой ответственности Российский переводчик

Небезынтересен и тот принцип, которым руководствовались составители, встречаясь в собраниях законов с такими постановлениями, «которые хотя и были основаны на древнем греческом (т. е. византийском) или молдавском законодательстве и освящены потом обычаем и временем, но могли некоторым образом быть противны теории прав»: «Если такого рода постановление совершенно произвольное, если оно предстает как продукт развращения нравов, — следствие того испрошенного или приданного законодательства восточной империи, о коем выше сего говорено было, то в таком случае нет никакого сомнения, что оно должно быть отменено. Но если постановление — сколь бы оно не казалось странным и сколь бы даже ни было противно духу большей части новейших законодательств, основано первоначально на каком-либо законном правиле, если оно согласно с сохранением добрых нравов и, наконец, если столь древне и в таком всеобщем употреблении, что оно, так сказать, присвоилось области, — словом, если оно может быть допущено как постановление, во-первых, законное, во-вторых, нравственное, в-третьих, народное, то при соединении сих трех качеств мы полагаем, что оно долженствует быть сохранено» (I, л. 264—264 об.).

Разумеется, в полном соответствии с изложенными теоретическими установками производился и подбор источников: вне конкуренции здесь *Corpus juris civilis*, многочисленные фрагменты из которого приводятся *in extenso*.¹⁵ Чаще всего приводятся места из Институций, Дигестов и Кодекса. Кассо, предпринявший, по-видимому, изнурительный труд по сверке цитат, утверждает, что громадное большинство цитат верно, абсолютно неправильных цитат сравнительно мало, и их можно отнести к погрешностям переписки. «Во всяком случае, — говорит он, — трудно заподозрить Манету, что он не пользовался непосредственно *Corpus juris* и ограничился каким-либо руководством вроде институций Berthelot, весьма распространенным тогда среди студентов парижской *Ecole de droit*, уже потому, что подавляющее большинство римских текстов, выписанных Манетой, и кроме того, статьи его Уложения сохраняют иногда обращение во втором лице единственного числа, как во фрагментах римских юристов».¹⁶

должен был по необходимости переводить иногда почти буквально с французского жаргона (?) и, с своей стороны, правилами грамматики и слога, в тех же местах, где он позволял себе доходить до смысла по догадкам, упоминал о сем всякий раз в выносках или приводит всегда в скобках самой текст французского перевода».

Итак, должен был существовать и русский перевод Кодекса Каллимаха, о котором до сих пор ничего не было известно. Неизвестно и то, кто был его автор. В принципе, этим «русским переводчиком» вполне мог быть А. С. Пушкин, который как раз для этой работы и был послан в Кишинев вместо Соловков и который действительно, по свидетельству Изюва, «переводит с французского на русский молдавские законы» (см. об этом: Медведев И. П. Пушкин — переводчик Коллегии иностранных дел // *Временник Пушкинской комиссии*. Л., 1981. С. 105—109). К сожалению, почерк вышеприведенной записки, по-видимому, не принадлежит ему, да и писал текст на бумаге с водным знаком «1825», когда Пушкина уже не было в лужанских краях.

¹⁵ В издании все эти тексты опущены.

¹⁶ Кассо Л. А. Петр Манета. С. 15—16.

В целом ряде разделов Уложения преобладают заимствования из Кодекса Наполеона, например § 701—1052 VIII титула 2-й книги des Successions — это буквальное воспроизведение статей 718—1099 французского кодекса (I, л. 230 об.—263 об.).¹⁷ Зато в соответствии с вышеизложенной оценкой Манеги Шестикижия Арменопула как искаженного римского права, оно цитируется всего лишь четыре раза (по изданию 1587 г. Годфруа¹⁸): два — по вопросам о степенях родства и запретных браках (I, л. 74 и 119) и два — по вопросам о наследовании (I, л. 216; 2, л. 227), причем три первые цитаты — из греческого текста, а последняя, четвертая, — в латинском переводе.¹⁹ Встречаются также изредка ссылки на российское законодательство (см., например, I, л. 77 с выдержками из Российского кодекса по вопросам применения смертной казни; I, л. 242; 2, л. 63 и 202 и др.), а русский текст «Законых постановлений по опеке и попечительству, с присовокуплением правил для руководства дворянских и городских сиротских опеке Бессарабской области» без перевода на французский включен в рукопись проекта на правах приложения к книге I (I, л. 277—320).¹⁹

Справедливости ради следует отметить, что прежде, чем совсем уж впасть в забвение, проект Манеги после 1826 г. (указ Сената от 14 декабря 1826 г.), т. е. во время некоторого оживления общих кодификационных работ Империи, был все же в значительной части переведен на русский язык, но эти три рукописных тома русского перевода Уложения, которые ныне также хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА. Ф. 1261. Оп. 1. 1840. Д. 15 «в» — 1-й том, 15 «а» — 2-й том, 15 «б» — 3-й том), разделили участь оригинала. Был ли переводчиком текста на русский язык «молодой сотрудник Департамента Иностранных дел» Туманский, которого рекомендовал барон Бруинов в письме к Блудову от 8 февраля 1824 г.,²⁰ сказать трудно. До молдавского же перевода, которым должен был заняться Стурдза,²¹ как и вообще до издания Кодекса, дело не дошло, хотя острая потребность русских судей в каком-то правовом сборнике сохранялась, и взоры законодателей почему-то снова обратились к «Шестикижию» Арменопула и «Юридическому пособию» молдавского логофета Андронаки Донича (1814), русские переводы которых в Сенатской типографии переплетены в одном томе и в количестве 30 экземпляров «высланы из Петербурга для нужд присутственных мест Бессарабии».²²

¹⁷ В издании опущено.

¹⁸ В издании все эти цитаты опущены.

¹⁹ В издании опущено.

²⁰ Projet... P. 3.

²¹ Ibid.

²² Слуту К. Я. Перевод на русский язык, издание и распространение юридических книг Молдавии // 3-я Всесоюзная научная конференция «Книга в России до середины XIX века»: Тезисы докладов. 1985. С. 96. Автор, собственно говоря, имеет в виду лишь сочинение Донича, но поскольку и Арменопул и Донич волею судеб объединились в одном томе, то сообщаемые сведения относятся и к Шестикижию. Нам неизвестно, впрочем, каков был тираж этого сборника в целом. Наверняка он был мизерным. В Петербурге один такой экземпляр мне удалось найти лишь в Российской Национальной библиотеке (шифр: 18.101.1.123).

В Бессарабии, таким образом, все осталось по-прежнему. Наши суды по бессарабским делам, постоянно усматривая в местных источниках мнимые пробелы и кажущиеся противоречия, старались как можно чаще применять общерусский гражданский кодекс и, как отмечает Кассо, «мало сделали вследствие этого для развития местного бессарабского права в течение всего XIX в., пока в начале XX столетия Кассационный департамент Сената не открыл для них новой дороги, предоставив им при применении бессарабского права обращение к *Socius juris civilis* как к заветному хранилищу истинного духа римского права, к которому прибегал и Манега, когда на полях своего проекта он выписывал фрагменты из Дигестов или Кодекса».²³ Конечно, проект Манеги (получи он силу закона) по своему сравнительно высокому юридическому уровню был бы и в русском переводе на первых порах малопонятным для наших судей, не только в низшей, но и в высшей инстанции, уже потому, считает Кассо, что большинство из них лишено было специального образования. Но постепенно, благодаря своему догматическому, отчасти даже дидактическому характеру он дополнил бы их подготовку, заставил бы судей выражать свои мысли более научным слогом и в общем содействовал бы усовершенствованию судебной практики, как это предполагал и сам Манега в своем «Discours préliminaire».²⁴ Увы! Этому не суждено было случиться.

²³ Кассо Л. А. Петр Манега... С. 20.

²⁴ Там же.